

**CZŁOWIEK W DOBIE
WSPÓŁCZESNYCH
WYZWAŃ I ZAGROŻEŃ**

**Materiały z I Kongresu Naukowego
Niepaństwowej Wyższej Szkoły Pedagogicznej
w Białymstoku**

**Niepaństwowa Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Białymstoku
2020**

Redakcja:
dr hab. MAŁGORZATA JAGODZINSKA
dr ANNA STRUMINSKA-DOKTOR

Recenzja:
dr hab. DANUTA OPOZDA

Projekt okładki:
Zbigniew Łaszcz

Skład komputerowy i redakcja techniczna:
Zbigniew Łaszcz

Fotografia okładce. Freepik.com

Copyright by Niepaństwowa Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Białymstoku
Białystok 2020

Wydawnictwo:
Niepaństwowa Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Białymstoku
Al. Jana Pawła II 91, 15-703 Białystok
tel. (85) 742-01-99, fax (85) 744-26-00, e-mail: nwsp@nwsp.bialystok.pl

ISBN: 978-83-61612-40-7

Druk:
www.druk-24h.com.pl

SPIS TREŚCI

Wstęp7

CZĘŚĆ I

Zagrożenia bezpieczeństwa człowieka jako konsekwencja dynamiki globalizacji

- Krystyna Cywa-Fetela* – Wybrane elementy współczesnego postrzegania wyzwań i zagrożeń w sferze bezpieczeństwa z wykorzystaniem wiedzy cichej 11
Andrzej Urbanek – Współczesne wyzwania i zagrożenia bezpieczeństwa personalnego z perspektywy koncepcji „human security” 27
Dorota Zbroszczyk, Joanna Grubička – Ryzyko zagrożeń przestępczością internetową 55
Radosław Chodkowski – Zagrożenia w sieci Internet 75
Andrzej Pulinski – Jineoloji. „Kurdvjski feminizm” – podstawy teoretyczne i praktyczne zastosowanie w przekazie mediów elektronicznych 87

CZĘŚĆ II

Psychologiczne aspekty spostrzegania zagrożenia bezpieczeństwa człowieka

- Tomasz Pawlikowski* – Wychowanie człowieka z perspektywy celów 107
Hulová Zlatica – Technické vzdelávanie na Slovensku v historickom a medzinarodnom kontexte 125
Коцевич С. – Стимулирование интереса к учению в образовательном процессе высшей школы (из опыта преподавания филологических дисциплин) 137
Gerová Lubica, Gašparová Miroslava, Hulová Zlatica – Studenti v príprave na profesiu učiteľa primárneho vzdelávania, vnútorné a vonkajšie faktory ich sebaregulácie vo vyučovaní matematiky 153
Матвицина И.Г. – Продуктивные формы практики ориентированной профессиональной подготовки будущих педагогов 175
Hulová Zlatica, Gašparová Miroslava, Gerová Lubica – Učiteľ primárneho stupňa školy v príprave na technické vzdelávanie 187
Beata Krzesińska-Zach – Starość wyzwaniem dla współczesnej pedagogiki. Wybrane aspekty 203

CZĘŚĆ III

Refleksja nad pedagogiczną perspektywą bezpieczeństwa człowieka

<i>Eva Naništová, Lucia Nestaková</i> – Coping i subiektywna percepcja dyskomfortu u pacjentów onkologicznych	215
<i>Медведская Е.И.</i> – Книга и экран: психология выбора носителя информации	231
<i>Гаврилович А.А.</i> – Социально-психологическая совместимость в профилактике межличностных конфликтов у спортсменов	247

CZĘŚĆ IV

Polityka Polski wobec współczesnych zagrożeń człowieka

<i>Jozef Zubek</i> – Rozwój systemu bezpieczeństwa wewnętrznego wobec współczesnych wyzwań i zagrożeń	261
<i>Michaël Shepitko</i> – The problems of counteraction to crimes against justice	285
<i>Anna Gadomska-Rudel</i> – Ochrona ofiar przemocy w rodzinie w procesie karnym. Wybrane zagadnienia	295
<i>Marek Strzoda, Dariusz Szkoluda</i> – Wojska Obrony Terytorialnej w przeciwdziałaniu zagrożeniom lokalnym i regionalnym	311
<i>Krzysztof Frąćik</i> – Role i zadania Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej w zwalczaniu współczesnych zagrożeń terrorystycznych	331
<i>Stanisław Kozdrowski</i> – O potrzebie opracowania kodeksu etycznego dla pracowników prywatnego sektora bezpieczeństwa	349

Wstęp

Współcześnie, wraz z rozwojem cywilizacyjnym, rośnie zagrożenie w odniesieniu do jednostek i całego społeczeństwa. Dla człowieka żyjącego w dobie terroryzmu, konfliktów i innych determinantów globalizacji, potrzeba bezpieczeństwa stała się równorzędna potrzebom fizjologicznym. Stanowi ona motywację do działania i rozwoju. Z tej perspektywy warto pochylić się nad aspektami zagrożeń i zmierzyć się z wyzwaniami współczesności w odniesieniu do różnych obszarów nauk społecznych.

Niniejsza publikacja stanowi pokłosie wystąpień naukowych, dyskusji i prezentacji dorobku naukowego badaczy i teoretyków z uczelni oraz jednostek pozaakademickich z kraju i zagranicę, podczas I Kongresu Naukowego Niepaństwowej Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Białymstoku, pt. *Człowiek w dobie współczesnych wyzwań i zagrożeń*.

W publikacji zaprezentowano różne kierunki i sposoby zapewniania bezpieczeństwa, zarówno na polu personalnym, jaki i niepersonalnym. Zwrócono uwagę na fakt, że w dobie zagrożeń bardzo ważna jest edukacja sustensywna dzieci, młodzieży i społeczeństwa. Podkreślono również, że należy wzmocnić obszar pracy szkoły związany z higieną pracy umysłowej, zarówno w obszarze relacji interpersonalnych, jak również w obszarze organizacji przestrzeni edukacyjnej. Ważne jest też przygotowanie nauczycieli do nowych wyzwań, w tym do kształtowania postaw młodych ludzi wobec procesu starzenia się. Postulatem stała się afirmacja życia jako główny determinant minimalizacji zagrożeń współczesnego człowieka.

Publikacja składa się z czterech części. W pierwszej, zatytułowanej *Zagrożenia bezpieczeństwa człowieka jako konsekwencja dynamiki globalizacji* opisano elementy współczesnego postrzegania wyzwań i zagrożeń w sferze bezpieczeństwa z wykorzystaniem wiedzy cichej, zaprezentowano współczesne wyzwania i zagrożenia bezpieczeństwa personalnego z perspektywy koncepcji „Human security” oraz zagrożenia w sieci Internet. Zwrócono też uwagę na społeczne konsekwencje przemian zachodzących we współczesnej rodzinie, omówiono

Bibliografia

- Amirkham, J. H., Risinger, R. T., Swickert, R. I. 1995. Extraversion: A "hidden" personality factor in coping? *Journal of Personality*, Vol. 63, No. 1, 189-212.
- Atkinson, R. et al. 2003. *Psychologie*. Praha: Portal.
- Blatný, M., Kohoutek, T., Janusová, P. 2002. Situačné kognitívne a osobnostné determinanty chovania v zatezovanej situácii. *Ceskoslovenská psychologie*, Vol. 46, No. 2, 97-108.
- Carver, Ch. S., Schierer, M. F., Weintraub, J. K. 1989. Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 56, No. 2, 267-283.
- Deimling, G. T., Wagner, L. J., Bowman, K. F., Sterns, S., Kercher, K., Kahana, B. 2006. Coping among older-adult, long-term cancer survivors. *Psychooncology*, Vol. 15, No. 2, 143-59.
- Kebza, V. 2005. *Psychosociální determinanty zdraví*. Praha: Academia.
- Křivohlavý, J. 2003. *Psychologie zdraví*. Praha: Portal.
- Křivohlavý, J. 2002. *Psychologie nemoci*. Praha: Grada Publishing.
- Lazarus, R. S. 1993. Coping Theory and Research: Past, Present, and Future. *Psychosomatic Medicine*, 55, 234-247.
- Lightsey, O. R., Hulsey, C. D. 2002. Impulsivity, Coping, Stress and Problem Gambling Among University Students. *Journal of Counseling Psychology*, Vol. 42, No. 2.
- Livneh, H. 2000. Psychosocial adaptation to cancer: The role of coping strategies. *Journal of Rehabilitation*, Vol. 66, No. 2, 40-49.
- Liu, Ch. Y., Chen, W. T. L., Kung, P. T., Chiu, Ch. F., Wang, Y. H., Shieh, S. H., Tsai, W. Ch. 2014. Characteristics, survival, and related factors of newly diagnosed colorectal cancer patients refusing cancer treatments under a universal health insurance program. *BioMed Central Cancer*, Vol. 14, No. 1, 10 p.
- Mesarosová, M. a kol. 2007. *Psychologické determinanty zvládania onkologických ochorení: Vyskum psychosociálnych aspektov rakoviny prsníkov*. Košice: VUSI.
- Morris, T., Greer, S., Pettingale, K. W., Watson, M. 1981. Patterns of expression of anger and their psychological correlates in women with breast cancer. *Journal of Psychosomatic Research*, Vol. 25, Issue 2, 111-117.
- Suls, J., David, J. P. 1996. Coping and personality: Third Time's the Charm? *Journal of Personality*, Vol. 64, No. 4, 993-1008.
- Taylor, S. E. 2009. *Health Psychology*. New York: McGraw-Hill Publ.
- Tsuschke, V. 2004. *Psychoonkologie: Psychologické aspekty vzniku a zvládnutí rakoviny*. Praha: Portal.

Медведская Е.И.

Беларусь, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

Книга и экран: психология выбора носителя информации

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается проблема редукции чтения в условиях электронной культуры. На основании самостоятельного выбора источника информации (книга/экран) и задаваемой им деятельности (чтение/просмотр) субъекты дифференцированы на две основные группы «человек читающий» и «человек просматривающий». Реконструированы имплицитные модели детерминант выбора взрослыми носителя информации.

Ключевые слова: электронная культура, культурный знак, печатное слово, мультимодальный образ, имплицитная модель.

Medvedskaja E.

Belarus, Brest State University named after A.S. Pushkin

The book and the screen: the psychology of information carrier selection

ABSTRACT

The article discusses the problem of the decline in reading in digital culture. On the basis of an independent selection of the information source (book/screen) and the activities assigned to it (reading/viewing), the entities involved in the research were divided into two main groups: "readers" and "viewers". Implicit models of determinants of information carrier selection done by adults were taken into account.

Keywords: digital culture, cultural sign, printed word, multimodal image, implicit model.

Medvedskaja Elena

Białorus, Państwowy Uniwersytet imienia Puszkina w Brzesciu

Produktywne formy profesjonalnego szkolenia przyszłych nauczycieli zorientowane na praktykę

STRESZCZENIE

W artykule omówiono problem redukcji czytania w warunkach kultury elektronicznej. Na podstawie niezależnego wyboru źródła informacji (książka/ekran) i przypisanych do niego działań (czytanie/oglądanie), podmioty są podzielone na dwie główne grupy: „osoba czytająca” i „osoba oglądająca”. Uwzględniono implicytne modele wyznaczników wyboru nośnika informacji przez dorosłych.

Słowa kluczowe kultura elektroniczna, znak kulturowy, słowo drukowane, oraz multimodalny, model implicytny.

Wprowadzenie

Obszar wysokich technologii, w tym także i informacyjnych, aktualizuje problemy humanizacji życia, w rozwiązanie których włączeni są różni specjaliści. Należy zaznaczyć, że psychologia w tym kontekście znajduje się właściwie na marginesie, ponieważ dominująca większość badań skupiona jest w obszarze klinicznej psychologii, a przede wszystkim na pogranicznych lub klinicznych przypadkach różnego rodzaju technologicznych addykcji, ich symptomatyki i determinant, przede wszystkim, indywidualno-psychologicznych. Jednym z podstawowych postulatów kulturowo- historycznej psychologii – niemożność rozumienia człowieka poza kontekst jego kulturowej sytuacji – może służyć metodologicznym fundamentem dla rozszerzenia sfery właściwie psychologicznych badań. Jednym z kroków w tym obszarze jest budowa psychologicznej typologii informacyjnych kultur i ich przedstawicieli. Każda typologia musi umożliwiać uporządkowanie różnorodnych zbiorów obiektów (w tym przypadku subiektywnych) na pewnym wiarygodnym, jednoznacznym poziomie dla ich wewnątrzgrupowej identyfikacji i międzygrupowej dyferencjacji. W tym badaniu

jest używany sposób idealnych typów, zgodnie z którym «typ – abstrakcyjna konstrukcja, z którą porównywane są badane obiekty»¹.

Stworzenie podobnej typologii jest koniecznym nie tylko teoretycznie, ale i praktycznie, ponieważ jak powstające naturalnie, tak i specjalnie zorganizowane zmiany w wielu obszarach społecznej praktyki, związane z rozprzestrzenieniem elektronicznych technologii, często ograniczają się technologicznym uzasadnieniem. Na przykład, dyktowane dzisiaj kształtowi edukacji jako «oszczędność czasu» konieczne wykorzystanie jakichkolwiek z tych technologii uzasadnione, jak zwykle, parametrami typu «szybciej», «więcej» i t.p. W tym czasie faktycznie nie oceniają się humanitarne skutki: Jak bardzo te informacyjne «szybciej» i «więcej» są potrzebne uczniom? Jaką rolę mają nowe technologiczne technologie dla rozwoju człowieka? Podobne ignorowanie właściwie człowieka, dla którego jest to i przeznaczone wszystkie technologie, istnieje i w innych sferach społecznej działalności.

Informacyjne subkultury:

subkultura słowa i subkultura мультиобраза

W tym czasie jedną z najbardziej popularnych wśród różnych specjalistów typologii cywilizacji jest typologia kanadyjskiego socjologa M. Makluzna, oparta na podstawie wiodącego typu rodziny. M. Makluzn wyróżnia cztery typy cywilizacji: 1) era przedliteracka, 2) tysiąclecie fonetycznego pisma; 3) galaktyka Guttenberga – tysiące lat druku i 4) galaktyka Markoni – współczesna elektroniczna cywilizacja. Według niego, właśnie fonetyczny alfabet stał się środkiem do stworzenia «cywilizowanego człowieka». Odnosząc się do nowego etapu rozwoju kultury M. Makluzn jest dość optymistyczny: «Elektryczna era – w dosłownym znaczeniu era oświetlenia. Jak świat jest jednocześnie energią i informacją, tak i elektryczna automatyzacja łączy w jedną i nieprzerwaną proces produkcji, konsumpcji i nauki»². Jednakże, kontynuując jego myśl o technologii jako pewnym psychologicznym ograniczeniu, należy zaznaczyć, że elektroniczne technologie – to

¹ Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л. Ф. Ильичев [и др.], Москва 1983, с. 685.

² М. Маклюэн, *Понимание медиа: внешние расширения человека*, Москва 2003, с. 403.

тоже в первую очередь «расширение зрительной функции», а значит и продолжающаяся редукция других параметров психофизической организации человека. Ж. Болдрияр еще более категоричен в этом вопросе: «Мы упрощаем себя посредством технической манипуляции. И это упрощение доходит до безумия, когда появляется цифровая манипуляция»³.

Таким образом, эпоха печатного слова, эпоха Гуттенберга в настоящее время трансформируется в эпоху электронных информационных технологий, которая различными специалистами все активнее обозначается через понятия «медиакультура» (и конкретизирующий его терминологический аппарат: «медиасреда», «медиаполитика», «медиаэкология», «медиаменеджмент», «медиапедагогика», «медиаобразование» и др.) или «электронная культура», «цифровое общество»⁴. Медиакультура рассматривается как доминирующая область информационной культуры, связанной с трансляцией динамических образов, получаемых и передаваемых техническими средствами. В российской науке данное понятие наиболее детально обосновывается Н.Б. Кириловой, которая разделяет позицию зарубежных ученых о медиакультуре как интенсивном информационном потоке, прежде всего аудиовизуальном (ТВ, кино, видео, компьютерная графика, мобильная связь, Интернет и др.), выступающим средством освоения человеком окружающего его мира.

Обобщая труды теоретиков, посвященных языку новых информационных технических культур, Н.Б. Кирилова отмечает: «...если в письменной культуре основой знаковой системы выступает буква, слово, то в аудиовизуальной культуре «первокирпичиком» является кадр»⁵. Основными свойствами кадра выступают его знаковая универсальность (т.е. использование в различных формах создания информации) и событийность, обеспечивающая сопричастность субъекта к воспринимаемой информации. Именно эти свойства кадра как культурного знака и определяют отличия медиакультуры от традиционной, классической культуры печатного слова.

Необходимо дополнительно отметить и еще одну особенность кадра, а именно суггестивность создаваемого им образа, что приводит к определенной инверсии восприятия, относительно которой П. Вирилио очень

³ Ж. Болдрияр, *Почему все еще не исчезло?* Режим доступа: <http://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo>, Дата доступа: 5.05.2015.

⁴ *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей и материалов междунар. конференции*, Коломна 2018, с. 3–9.

⁵ Н. Б. Кирилова, *Медиакультура: теория, история, практика*, Москва 2008, с. 65.

точно замечает: «Я уже не вижу плакат на стене... его изображение само на меня смотрит»⁶. О возможности смешения говорит и М. Кастельс: «Эта виртуальность и есть наша реальность»⁷. Таким образом, указанное выше свойство событийности кадра можно подвергнуть определенному сомнению, поскольку благодаря постоянному техническому усовершенствованию и наращиванию плотности информационного потока сама бытийность незаметно для субъекта начинает трансформироваться в искусственно созданную действительность, которая обозначается как виртуальная реальность или киберпространство.

Таким образом, основные типы информационных культур определяются на основании ведущей знаковой системы кодировки информации, а именно: традиционная культура печатного слова и формирующая медиакультура (электронная культура) или культура кадра. Однако более точным представляется все-таки считать ведущей единицей знаковой системы медиакультуры образ, а не кадр по следующим причинам. Во-первых, термин «кадр» хорошо подчеркивает искусственность, сложную технологичность его производства, однако он «оставляет за скобками» самого субъекта (например, глядя на телевизор, мы все-таки воспринимаем не смену кадров, а смену образов; тем более что и кадры как таковые быстро исчезают с развитием цифровых технологий). Во-вторых, если говорить о слове (как о ведущем знаке традиционной культуры) и об образе (как об основном знаке медиакультуры), то их можно привести к общему знаменателю, каковым является их включенность в психическую организацию субъекта. Слово, как это доказано в многочисленных теоретико-эмпирических исследованиях Л.С. Выготского и представителей его школы, выступает основным опосредствующим средством, преобразующим натуральные психические функции в культурные⁸. Образ также является составляющим восприятия, памяти, представлений, мышления, воображения, самосознания⁹. И слово, и образ являются не только компонентами в структуре различных психических процессов, их объединяет также функция посредников между объективным и субъективным миром.

⁶ П. Вирилио, *Машины зрения*, Санкт-Петербург 2004, с. 112.

⁷ М. Кастельс, *Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, Екатеринбург 2004, с. 200.

⁸ Л. С. Выготский, *Орудие и знак в развитии ребенка*, Москва 2000, с. 828–891.

⁹ А. Н. Леонтьев, *Психология образа*, Вестн. МГУ, Серия 14 Психология 1979, № 2, с. 3–13.

Таким образом, можно обозначить две в настоящее время сосуществующие информационные субкультуры, определяющие социокультурный контекст существования современного человека: культуру слова и культуру образа. При этом данные субкультуры находятся друг с другом в конкурирующих отношениях, о чем свидетельствуют результаты исследований современных читательских предпочтений русскоязычной аудитории, которые можно найти в соответствующих работах¹⁰. В качестве ведущих тенденций ученые отмечают, во-первых, редукцию чтения, и во-вторых, его возрастающую прагматизацию, преобладание инструментального аспекта («чтобы уметь») над познавательным («чтобы знать»), независимо от источника (бумажного или электронного).

Выбор субъектом культурного орудия как основание для психологической типологии

В социокультурной ситуации плюрализма информационных субкультур, оперирующих разными знаковыми системами, основанием для собственно психологической типологии их представителей может стать собственный выбор субъектом определенного культурного орудия. Это положение теоретически обосновано идеей Л.С. Выготского об орудии как средстве формирования высших психических функций, поскольку последователями ученого «фактически не уделялось должного внимания принципу свободного обращения индивида к орудию (использование знака или отказ от него, форма обращения со знаком и т. д.). <...> Орудие рассматривалось Выготским как возможная точка приложения сил индивида, а сам индивид выступал как носитель активности»¹¹.

Этот выбор в соответствии с культурно-исторической концепцией Л.С. Выготского может рассматриваться как отражение ненормированной социумом активности субъекта по «врастанию» в культуру и по «овладению» собственной психикой. Кроме этого, выбор орудия (слово или образ) одновременно задает и деятельность с ним (чтение или просмотр). И теоретически закономерно, что разные виды деятельности формируют и субъектов с разными типами психической организации, с разными культурными функциями. Хотя если чтение – это точно деятельность,

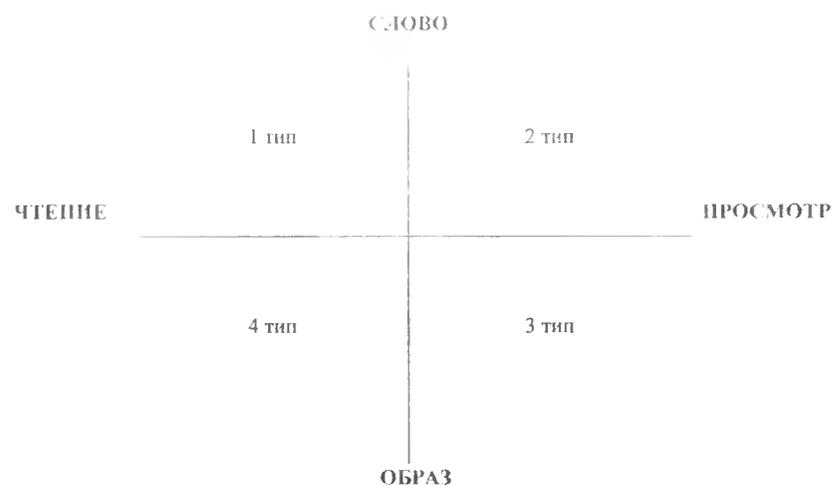
¹⁰ Б. В. Дубин, *Чтение в России-2008. Тенденции и проблемы*, Москва 2008.

¹¹ А. В. Петровский, *Психология в России. XX век*, Москва 2000, с. 158–159.

усложняющая психическую структуру овладевшего ею¹², то по поводу просмотра возникают определенные сомнения. К примеру, американский педагог и медиаэколог Н. Постман отмечает: «Для просмотра телевидения не требуется никакой подготовки, не требуется аналога букваря. Просмотр телевидения не требует никаких навыков и не вырабатывает никаких навыков. Именно поэтому нет такой вещи, как дополнительные занятия телевидением. И поэтому вы не смотрите телевидение сегодня лучше, чем 5 или 10 лет назад»¹³. Кстати, большинство пользователей Интернета также обозначают свою информационную активность через термин «просмотр»: «Просмотреть новости», «Посмотреть рекламу» и т.п.

Пересечение двух указанных координат – культурного орудия (вертикаль) и деятельности с ним (горизонталь) – позволяет выделить четыре типа субъектов, отраженных на схеме (рисунок 1).

Рисунок 1 Представители информационных культур, определенные методом идеальных типов

Источник: исследование автора.

¹² А. Р. Лурия, *Язык и сознание*, Москва 1979.

¹³ Н. Постман, *ТВ формирует новый тип личности – взрослого ребенка*, Режим доступа: http://mediaecology.blogspot.com.by/2011/02/blogpost_17.html, Дата доступа: 18.12.2015.

Таким образом, типы представителей информационных культур можно содержательно описать следующим образом.

1 тип – человек, оперирующий словом как ведущей знаковой системой и не знакомый с медиатехнологиями. Благодаря повсеместности распространения различных медиаустройств, в том числе и ТВ, даже среди представителей пожилого поколения сегодня это уже практически исчезающий вид.

2 тип – субъект, выбирающий слово в качестве предпочитаемого культурного орудия и владеющий деятельностью просмотра. Именно этот тип описывается как информационно грамотная личность, т.е. является идеальным типом для информационного общества.

3 тип – человек, отдающий предпочтение медиаобразу и деятельности просмотра. Как и первый, данный тип фактически не существует в реальности в чистом виде, ибо пока существует обязательное образование, каждый, даже человек, страдающий дислексией, как минимум будет знаком с алфавитом. Однако в этот тип очевидно попадают функционально неграмотные люди, число которых постоянно увеличивается. Сюда же относятся и лица с различными вариантами техногенных аддикций.

4 тип – субъект, предпочитающий в качестве культурного орудия медиаобраз, но владеющий письменной речью. Это категория аллитераторов¹⁴, т.е. людей, обращающихся к письменному слову только под давлением жизненных обстоятельств.

Таким образом, на основании выбора предпочитаемого культурного орудия представителей первого и второго типов можно обозначить как «человек читающий». Соответственно третий и четвертый из выделенных типов, отдающих свой выбор медиаобразу, можно объединить в общий тип «человека просматривающего».

ИмPLICITная модель детерминации выбора книги в качестве предпочитаемой знаковой системы

Для более детального изучения субъективных детерминант выбора взрослыми наиболее предпочитаемой для них знаковой системы было проведено специальное исследование, в котором принимало участие 150 респондентов (в возрасте от 25 до 60 лет, имеющих высшее образование, среди них 100 женщин и 50 мужчин). Респондентам предлагалась ком-

¹⁴ Р. Пацлаф, *Застывший взгляд: физиологическое влияние телевидения на развитие детей*, Москва 2003.

бинированная анкета. Одна часть вопросов представляла собой незаконченные предложения, относящиеся как к причинам выбора («Я люблю/не люблю читать книги, потому что...»), так и к обоснованию его внешних («Для чтения мне важно, чтобы вокруг...») и внутренних условий («Для чтения мне важно, чтобы я...»). Аналогичные вопросы относились и к электронным источникам. Другая часть вопросов анкеты представляла собой вопросы закрытого типа, направленные на выявление некоторых читательских привычек. Для обработки полученных в итоге опроса данных использовались частотный и факторный анализы.

В исследованной группе ответы относительно выбора взрослыми знаковой системы распределились следующим образом:

55 % заявляет, что любит читать и читать именно книги, при последующей интерпретации результатов данная группа обозначена как «человек читающий»;

23 % категорично высказывается против чтения и отдает свой выбор электронным устройствам (ТВ, Интернет); соответственно, эта группа, будет обозначаться как «человек просматривающий»;

22 % опрошенных утверждает, что позитивно относится как к чтению бумажного текста, так и к просмотру информации на экране. Эту группу можно отнести к смешанному типу.

Наиболее часто называемые респондентами разных групп причины собственного выбора определенной знаковой системы представлены в таблице.

Таблица 1. Детерминанты выбора доминирующей знаковой системы (в %)

Человек читающий		Человек просматривающий		Смешанный тип	
Нужна тишина	79	Всегда с собой (все под рукой)	35	Люблю узнавать новое (книга)	55
Нужно, чтобы не отвлекали	41	Все есть в Интернете	30	Доступность информации (электронный носитель)	50
Люблю узнавать новое	35	Для книги надо особое настроение. Может быть любая обстановка	24	Читать интересно (книга)	44
Надо, чтобы материал был интересным	26			Возможность фантазирования (книга) Большой объем информации (электронный носитель)	39

Человек читающий		Человек просматривающий		Смешанный тип	
Можно погрузиться в другую атмосферу. Развитие речи (словарного запаса, грамматики)	20	Краткая сжатая информация	18	Развитие речи (книга) Компактность (электронный носитель)	34

Источник: исследование автора.

Как демонстрируют данные таблицы 1, для большинства респондентов, которые причисляют себя к любителям чтения книг, наиболее важными выступают внешние условия осуществления данной деятельности (тишина и возможность сосредоточения). Затем представители этой группы отмечают мотивационные причины, связанные как с характером самого читаемого материала, так и с его позитивным «вкладом» в изменения субъекта. В группе «просматривающих» доминирующими факторами выбора знаковой системы выступают доступность и удобство обращения с электронными устройствами. Причем, в отличие от группы «читающих», для осуществления просмотра никаких особых ни внешних, ни внутренних условий не требуется. В группе смешанного типа, как и следовало ожидать, представлены комбинации основных детерминант, уже названных представителями других выборок. Необходимо отметить, что для этих респондентов ведущими выступают собственно познавательные мотивы, причем их удовлетворение связано, по мнению опрошенных, с обращением к бумажному источнику информации.

Следует также отметить, что в группе «просматривающих» количество ответов существенно меньше, чем в группе «читающих». В пятой части анкет были отмечены только вопросы закрытого типа. Всего было названо только 7 оснований выбора ($n = 34$), что невозможно объяснить только количественным составом данной группы, поскольку в близкой по объему выборке респондентов смешанного типа ($n = 32$) было указано 22 параметра выбора, а в группе «читающих» ($n = 84$) – 42 параметра. При этом в группе «просматривающих» в среднем указывались 1–2 причины ($M = 1,7$), а в группе «читающих» – более 5 ($M = 5,6$).

Наличие достаточного массива эмпирических данных позволило построить имплицитную модель детерминации выбора взрослыми печатного слова в качестве предпочитаемой знаковой системы. В итоге

факторизации исходной матрицы данных (42 параметра выбора на 84 респондента) было выделено 18 факторов с дисперсией от 9 до 2 %, среди которых не все являются ортогональными. Поэтому была проведена повторная процедура факторизации, в итоге которой было обнаружено уже 8 категорий, объясняющих причины выбора печатного источника информации, и в совокупности описывающих 44 % общей дисперсии. Расчеты осуществлялись с помощью программы SPSS v. 16 методом главных компонент с подпрограммой varimax-вращения.

Первый фактор включает следующие полярные параметры:

возможность обдумать	0,886
можно вернуться назад	0,789
возможность делать заметки	0,774
люблю делать закладки	0,534
подробное изложение	-0,725
люблю самостоятельно представлять образы (ситуаций, сюжетов)	0,816

Таким образом, в содержании данного фактора очевидно прослеживается дихотомия разных видов деятельности: размышления и фантазирования (или «мышление – воображение»), что, вероятно, обусловлено содержательной дифференциацией разных типов литературы (учебной и художественной). Вместе с тем, на двух полюсах присутствуют указания на возможности самоуправления читателем своим ритмом понимания прочитанного. Это позволяет обозначить выявленный конструкт как «Самостоятельная активность».

Второй фактор, также двухполюсной по своей внутренней организации, образован шкалами:

книга всегда под рукой	0,746
могу читать в любой обстановке	0,744
лучше одиночество	-0,655
нужна тишина	-0,676

Содержание данного фактора довольно легко интерпретируется как внешние условия чтения, отражающие разные стилевые характеристики этой деятельности. При этом для большинства (согласно результатам частотного анализа, отраженным в таблице 1) все-таки необходимы особые условия.

Третий, однополярный фактор, представлен следующими образующими:

изменение сознания	0,739
--------------------	-------

узнаешь новое	0,722
расширение кругозора	0,699
получаешь достоверную информацию	0,525
Содержание данного фактора довольно однородно, что позволяет обозначить его как «Приращение знаний».	
Четвертый фактор описан следующими параметрами:	
развитие воображения	0,824
развитие речи	0,701
обогащение словарного запаса	0,656
повышение грамотности	0,599
развитие памяти	0,555
Содержание выделенного конструкта легко интерпретируется как «Развитие познавательных процессов»	
Пятый фактор включает в себя следующие ответы:	
возможность погружения в иную атмосферу	0,816
понимание переживаний других людей	0,801
можно почувствовать себя другим человеком	0,548
возможность отвлечься от будней (проблем)	0,536
Данный фактор отвечает фактору воображения, выявленному при изучении имплицитных теорий чтения, который «вбирает в себя признаки, связанные с порождением образов и с эмоциональными ассоциациями» ¹⁵ .	
Шестой фактор образован такими объяснениями выбора печатного слова как	
настроенность на чтение	0,873
нравится запах	0,802
люблю ощущать (держат в руках) книгу	0,678
удобный шрифт	0,566
Ведущая шкала этой категории фиксирует необходимость некоторого внутреннего состояния готовности к чтению, другие шкалы отражают ощущения физического комфорта.	
седьмой фактор представлен двумя полюсами:	
упорядочивание мыслей	0,763
интерес к материалу	0,704
надо, чтобы не отвлекали	-0,528
сосредоточенность	-0,642

¹⁵ И. М. Кондаков, *Экспериментальное исследование имплицитных теорий чтения*, «Вопросы психологии» 1994, № 6, с. 114.

свободное время -0,725

В данном факторе присутствуют, с одной стороны, субъективные позитивные последствия чтения (структурирование и обогащение знаний) и, с другой стороны, препятствующие данному процессу внешние условия.

И восьмой фактор образован тремя параметрами:

отдых	0,688
удовольствие	0,628
уютная обстановка	0,565

Этот конструкт близок по своему содержанию одному из полюсов первого фактора, обнаруженного в изучении имплицитных теорий чтения, а именно, степени, отражающей общий положительный эмоциональный фон данной деятельности. Он также может быть обозначен «Чтение как релаксация».

Заключение

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

В качестве оснований психологической типологии представителей разных информационных субкультур могут выступать выбор субъектом культурного орудия (печатное слово или медиаобраз) и, соответственно, задаваемая этим культурным орудием деятельность (чтение или просмотр). Пересечение указанных координат позволяет дифференцировать два «чистых» типа – «человек читающий» и «человек просматривающий» и два промежуточных.

В существующей социокультурной ситуации «чистые» типы фактически не встречаются, однако представителей промежуточных типов на основании самостоятельного выбора предпочитаемого культурного орудия в свободной ситуации можно характеризовать как носителей культуры слова/медиаобраза. Подобная дифференциация представляется значимой не только для организации дальнейших исследований в области моделирования перспектив развития человека, но также и для практического использования в разных сферах социальной жизни, которая в настоящее время нередко имеет характер неоправданной медиатизации субъекта.

Эмпирически установлено, что половина опрошенных взрослых в выборе ведущей знаковой системы отдает свои предпочтения традицион-

ному печатному слову. Четвертая часть не дифференцирует для себя печатные и электронные источники информации. И четвертая часть категорически отказывается от слова, отдавая свой выбор мультимодальным средствам. Причем в объяснении своего выбора группа «просматривающих» наименее рефлексивна и ограничена причинами технологического характера. В группе «читающих» разнообразные детерминанты выбора печатного слова объединены в несколько факторов-категорий. Основной среди них выступает возможность проявлений самостоятельной активности, собственного темпа освоения материала. Большинство категорий указывает на саморазвитие («Приращение знаний», «Развитие познавательных процессов», «Развитие воображения»). В двух категориях описываются внешние условия чтения (свободное время, сосредоточенность); еще в двух – внутренние условия (наличие готовности к чтению и состояние удовольствия от этого процесса).

Таким образом, имплицитная модель демонстрирует, что печатное слово согласно собственной оценке «субъектов читающих» действительно выступает орудием «овладения» ими собственной психикой (указания на такие возможности мультимодальных образов полностью отсутствуют в группе «субъектов просматривающих»).

Литература

- Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л. Ф. Ильичев [и др.], Москва 1983.
- М. Маклюэн, *Понимание медиа: внешние расширения человека*, Москва 2003.
- Бодрийяр, Ж. *Почему все еще не исчезло?* Режим доступа: <http://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodrii-ar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo>, Дата доступа: 5.05.2015.
- Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека*: сб. науч. статей и материалов межд. конференции, Коломна 2018.
- Н. Б. Кирилова, *Медиакультура: теория, история, практика*, Москва 2003.
- П. Вирилио, *Машина зрения*, Санкт-Петербург 2004.
- М. Кастельс, *Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, Екатеринбург 2004.
- Л. С. Выготский, *Орудие и знак в развитии ребенка*, Москва 2000.
- А. Н. Леонтьев, *Психология образа*, Вестн. МГУ. Серия 14. Психология 1979, нр 2..
- В. Дубин, *Чтение в России-2008. Тенденции и проблемы*, Москва 2008.

- А. В. Петровский, *Психология в России. XX век*, Москва 2000.
- А. Р. Лурия, *Язык и сознание*, Москва 1979.
- Н. Постман, *1В формирует новый тип личности - взрослого ребенка*, Режим доступа: http://mediaecology.blogspot.com.by/2011/02/blogpost_17.html, Дата доступа: 18.12.2015.
- Р. Паулаф, *Застывший взгляд: физиологическое влияние телевидения на развитие детей*, Москва 2003.
- И. М. Кондаков, *Экспериментальное исследование имплицитных теорий чтения*, «Вопросы психологии» 1994, нр 6, с. 114.